

Бах Ричард

Интервью с Бахом

Интервью с Р.Бахом

~~~~~

В сентябре 1991 года я была в Америке, на маленьком острове у берегов Тихого океана, который называется Оркас. Здесь проходил семинар Александра Эверетта*. Однажды в перерыве между занятиями я сидела на открытой веранде, наслаждаясь морем и солнцем. Над моей головой планировал маленький белый самолетик.

- Это Ричард Бах**, - сказал мне местный индеец, сидящий рядом со мной.

- Как? Откуда он взялся?!

- Он живет здесь, - спокойно ответил индеец.

И я поняла: мне нужно встретиться с Ричардом Бахом. Я обратилась к Сергею Всехсвятскому***, который тоже участвовал в семинаре, с просьбой помочь мне организовать эту встречу. Сергей на острове был не первый раз, и все американцы с ходу принимали его за своего.

- Это невозможно, - сказал Сергей. - Ты знаешь, что такое в Америке быть звездой? Это человек, с которым мечтают встретиться миллионы. А Ричард Бах - звезда.

- Но ведь можно через полицию узнать номер его телефона.

- Его телефон не дают никому.

- Но ведь остров не такой большой. Я могу заходить в дома и спрашивать, где живет Ричард Бах, в конце концов кто-нибудь, да знает, и так я попаду к нему.

- Это называется вторжением в частное владение. Добром это не кончится. Пойми: Бах живет на этом острове как раз для того, чтобы его никто не мог найти.

И тем не менее Сергей обещал, что попросит своих друзей попытаться сообщить Баху, что мы хотим с ним встретиться.

А я тем временем стала приставать к американцам. "Мне нужно встретиться с Ричардом Бахом", - говорила я им. Реакция на эти слова всегда была одинаковая. Сначала дикий хохот, а затем короткая фраза: "Это не реально".

И тогда я поняла, что нужно расслабиться. В глубине души я была абсолютно уверена, что Ричарду Баху в большей степени нужно встретиться с нами, чем нам с ним.

Семинар закончился. Почти все участники разъехались, я же осталась, чтобы взять интервью у огнеходцев, живущих на острове. Сергей помогал мне. Во время интервью раздался телефонный звонок. Это был друг Сергея. "Где вы находитесь? Баху сообщили о вас, и он уже третий день звонит по всем телефонам, пытаясь найти вас. Он хочет встретиться с вами", - сообщил он.

В тот же вечер мы были у Ричарда. В своей шикарной вилле на краю скалы он выглядел бесконечно добрым, бесконечно мудрым и бесконечно, бесконечно одиноким. И я поняла, что не ошиблась: ему, пожалуй, нужно было встретиться с нами больше, чем нам с ним. Мы провели прекрасный вечер, какой бывает иногда с близкими друзьями, которых давно не видел.

Правда, я не могла быть полноценным участником этой встречи. Дело в том, что накануне я выкупалась в ледяном океане, после чего с моим голосом стали происходить странные вещи. К моменту встречи с Ричардом он совершенно пропал.

Но, наверное, это было то, что нужно. Ричард и Сергей быстро забыли обо мне, получая, судя по всему, огромное удовольствие от общения друг с другом.

Результат перед вами.

А.Яковлева, главный редактор журнала "Путь к себе", N3/92.

* Александр Эверетт - ведущий семинаров "Жизнь, любовь, свет", "Путь к себе", "Динамика успеха" и др.

** Ричард Бах - американский писатель, автор книг "Чайка по имени Джонатан Ливингстон", "Иллюзии", "Мост через вечность" и др.

*** Сергей Всехсвятский - координатор ассоциации Свободное Дыхание.

МОЙ ДАР - МОЯ ГЛУПОСТЬ

~~~~~

Сергей Всехсвятский: Ричард, твои книги очень популярны в нашей стране. Но, с моей точки зрения, они воспринимаются в большей степени как поэзия, а не как литература. Когда я читал "Чайку по имени Джонатан Ливингстон", я постоянно чувствовал вибрацию этой вещи. Я думаю, что идеи не оказывают такого сильного влияния на людей, как вибрация или форма, в которой эта идея воплощена. Мне кажется, форма, которую ты используешь, в большей степени действует на читателей, чем идеи твоих книг. Обращал ли ты на это внимание?

Ричард Бах: Я никогда не думал об этом. То, что ты говоришь, наверное, свидетельствует о том, что я очень точно использую ритм и делаю паузы в определенных местах текста. Может быть, поэтому мои книги напоминают поэзию. Я не знаю, что такое поэзия на самом деле.

С.В.: Не знаешь, что такое поэзия? Поэзия - это всегда ритуал. В поэзии всегда есть нечто шаманское. Проза - это больше магия. Проза держится на мужской энергии. Поэзия - более женская энергия, и ты больше шаман, чем маг.

Р.Б.: Мне трудно об этом судить. У меня очень узкий спектр внимания, и я не знаю, о чем пишут и говорят другие люди.

Вся моя работа очень эгоистична. Когда я работаю, я являюсь лидером только для одного человека - для себя. Но мне повезло: идеи, важные для меня, оказались важны для многих людей. Все эти годы находились люди, у которых возникало желание наблюдать за тем, как я пробираюсь по жизни, и улыбаться этому. Но я не знаю, как мои идеи сочетаются с концепциями других людей о высоком и низком, продвинутом или отсталом.

С.В.: Мы не говорим о правильном и неправильном, мы говорим о вибрациях или о музыке.

Р.Б.: В моей жизни было два момента, когда я как бы прозрел. Один из них был ночью. Я смотрел на звезды и передо мной был как будто занавес, которого на самом деле не было. Занавес отошел в сторону, и я понял все... В другой раз я испытал ощущение безграничного света, который был любовью. Свет был таким сильным, что я молил, чтобы он ушел, я не мог его выдержать. Для меня это было, как ядерная вспышка. Она, как озарение, дала мне силу, дала мне знание о том, кто мы есть и что есть наш дом, и что это - огромная красота. Я понял это и затем постарался рассказать об этом через небольшую игру.

Эта игра - то, что мы называем состоянием "здесь и сейчас", удовольствием, кайфом. И я живу ради этого удовольствия, этой игры. Для меня это источник наслаждения. Сейчас, когда я говорю с вами, или тогда, когда я разговариваю с читателями, я не знаю - интересно ли им то, что я говорю, или нет. Мне это очень интересно, и я могу говорить об этом до четырех часов утра. Я также могу сидеть до четырех часов утра и слушать другого человека - любого, кто скажет: "Я открою свое сердце и впущу тебя туда. Я поделюсь с тобой вещами, которые я глубоко люблю". Но вы можете подумать, что встречи такого рода у меня бывают очень часто. Нет. Это бывает очень редко. Например, тогда, когда я один или вместе с Лесли выступаю где-нибудь. После выступления нас, как правило, обступают люди - все, что они хотят, это задать вопрос и услышать ответ. И это все, чего и я бы хотел - спрашивать, что думает человек, чему он научился, что он хочет делать, что он не хочет делать, куда он идет, чего он боится. Я люблю задавать

такие вопросы. Когда задаешь трудные вопросы, приходят ответы, о существовании которых ты и не догадывался.

В отличие от балерины, я люблю находиться вне состояния равновесия. Это мое естественное состояние.

И когда я встретил Дональда Шимоду из "Иллюзий", я постоянно старался загнать его в угол и задать ему тот вопрос, на который, я был уверен, никто в мире не может ответить. Я вполне мог задать ему, к примеру, вопрос: "Как стать спасителем мира?"

И однажды я задал такой вопрос. Я напечатал этот вопрос на пишущей машинке, встал и ушел. Через несколько часов, проходя мимо, я почувствовал, как какая-то сила принуждает меня сесть за машинку. Внезапно я услышал:

- Я дам тебе книгу.

- Что? Книгу?

Идея получить книгу-инструкцию о том, как спасти мир, была для меня фантастически увлекательна.

И такого рода взаимодействия стали происходить со мной снова и снова. Насколько я знаю, Дональд Шимода никогда не имел тела в пространстве и времени. Но это очень реальный человек, и очень забавный. Он наслаждался моим наслаждением. И знал, что я не люблю находиться в балансе, в равновесии.

С.В.: Я тоже хочу поделиться одним из своих опытов. Я испытал нечто очень похожее на то, что ты рассказал. Во время занятия "свободным дыханием" я увидел наш мир, но только наполненный любовью. Нет, он не был наполнен любовью, он был любовью. Вокруг меня были те же люди, но каждое их слово, даже не относящееся ко мне, воспринималось мною как мягкое, любящее утверждение того, чем я на самом деле являюсь. И самым интересным было то, что исчезла граница между внутренним и внешним, я был всем, и все было мной. И возникло два очень интересных чувства: одно - ощущение обмана, ощущение, что мы обманываем себя системами идей и представлений, что истина намного проще. И второе ощущение - ощущение рождающегося ребенка. И весь мир был одновременно любящей матерью и отцом. И так же, как ты, просил свет уйти, так же и для меня было очень трудно находиться в этом мире любви.

Р.Б.: После этого опыта ты когда-нибудь испытывал чувство страха?

С.В.: Эмоционально, да.

Р.Б.: Используешь ли ты этот опыт как школу, как точку перспективы, к которой можно стремиться?

С.В.: Я много читал о подобных опытах, и ментально он уже давно был для меня точкой перспективы. Но только после того, как я сам испытал его, этот опыт стал реальной точкой отсчета, ориентиром моего внутреннего пути.

Р.Б.: У меня тоже было несколько подобных опытов. Один из них был для меня таким же мощным, как Большой взрыв, последствия которого ощущаются спустя 15 миллиардов лет. И теперь мне нужно совсем немного, чтобы вернуть себя в точку этого взрыва, в эту лучистую точку. Она дала мне возможность понять: единственное, что в этом мире неразруσιμο, - это мы. Вся планета может превратиться в пепел. Солнце может стать новой звездой, но на нас не останется ни одной царапины. Мы неразрушимы. Мы как сущность, как тот любимый ребенок, о котором ты говорил, как фокус безграничной любви, как участники бытия духа неразрушимы. Это как в арифметике, когда каждое индивидуальное число необходимо для существования всего принципа, который объединяет все числа. Если бы было возможно разрушить, к примеру, число 12, разрушился бы весь принцип. Какой результат имели бы арифметические действия $6+6$ или $3*4$, если бы мы отказались от числа 12. Каждое число совершенно незаменимо для всего принципа. И точно так же мы. Как духовное выражение бытия, этого бесконечного "есть",

мы незаменимы. Мы незаменимы для любви. Принцип держит нас вместе и поддерживает, а своим пытливым любопытством и отражением любви мы поддерживаем принцип - независимо от того, что происходит. Я писал об этой идее в книге "Мост через вечность" - о том, что когда мы смотрим на звезды в небе, мы обычно думаем, что они вечны. Они не вечны, мы вечны. Они - это только тени, которые проскальзывают. Для меня это было очень значительным откровением, которое дал мне горящий столп любви в тот день. Я думаю, что никогда это не потеряю. Я знаю по себе и читал, что такого рода опыты, похожие на "выходы из тела", дают широкую перспективу жизни.

Поэтому я и спросил тебя, испытываешь ли ты страх? Люди, которые возвращались из состояния клинической смерти, говорили о том, что нам нечего бояться, что впереди нас ждет только прекрасное. Элизабет Кублер-Роз (Э. Кублер-Роз исследует смерть как феномен жизни. - А.Я.) сказала, что самое прекрасное, что есть в жизни, - это смерть. Тот мой опыт также был интересен для меня тем, что отвечал на вопрос, куда мы идем после жизни.

Если представить себе нашу обычную жизнь, как существование на некой детской площадке или в классной комнате, то мы в той же степени располагаем свободой, в какой обладает ею любой ребенок на детской площадке. Мы можем сказать: "Я не хочу иметь ничего общего с происходящим". Мы можем стоять в углу и отказываться использовать то, что нам предлагают. Но мы можем и изменить наше отношение к происходящему и сказать себе: "Я получу столько удовольствия, сколько смогу, и научусь всему, чему только можно научиться на этой огромной детской площадке". С этой площадки мы выходим с более глубоким пониманием того, что мы уже знали до того, как пришли на площадку. Мы никогда не узнаем ничего нового. Мы всегда открываем что-нибудь. "О, я всегда знал это", - то и дело говорим мы себе, когда узнаем что-то новое. Это похоже на состояние, которое мы испытываем, слушая знакомую мелодию. Мы просто получаем удовольствие - совсем не потому, что мы не знаем эту мелодию или нам интересно, чем она кончится. Нам просто приятно слышать, как дух поет через ноты, как мелодия поднимается и опускается. Нам это просто нравится. Точно так же мы выбираем жизнь в пространстве и времени, потому что она нам очень нравится. Точно так же, как мы любим ходить в кино или слушать симфонии, та форма жизни, которой являемся мы, любит ограничивать себя пространством и временем и играть в разные игры. Но со временем мы устаем. Мы говорим "со временем", хотя знаем, что на самом деле времени нет, что все происходит одновременно. Когда мы говорим, что устали, это значит, что в нас существует какой-то аспект, который говорит: "Я хочу пойти поучиться на другом уровне". И иногда делаем это сразу же. Если представлять себе нашу жизнь лишь как одну из детских площадок, то такой категории, как время, не существует, а то, что есть, - это одновременность. Мы одновременно испытываем жизнь и в Греции, и в Египте, и в какой-то страшной Галактике, которой вообще нет в этой части Вселенной. Если все это происходит одновременно и если наше сознание едино, то мы можем взаимодействовать с различными аспектами самих себя и научиться многому тому, чему некоторые из нас уже научились, используя канал любви и любопытства. И постепенно мы приходим к пониманию того, что многочисленные аспекты нас самих - не дискретны, не конечны. И мы начинаем смотреть вокруг и говорить: "Я выбрал возможность родиться в данном времени и пространстве - в стране, которая называется США. Однако я являюсь лишь твоим аспектом. Ты же, который является аспектом меня, выбрал возможность родиться в стране, у которой другое имя, чтобы учиться другим вещам и изменять мир в другом месте". Мне нравится испытывать подобное чувство и рассказывать о нем людям. "Когда я смотрю в твои глаза, я тем самым заглядываю в свои". Это чувство невесомое и светлое, как гелий - газ, приходящий из Солнца. Я хорошо знаю это чувство, хотя, чтобы постоянно существовать в нем, мне необходимо сосредоточение и усилие. Мне нравится ходить по улицам,

видеть разных людей и говорить себе: "Все они - я, а я - все эти люди". Находиться в контакте - замечательное состояние. Хотя, конечно, бывают ситуации, когда это становится критично. В этот момент мы испытываем состояние одиночества, и нам необходимо чувство перспективы и осознание того, что существует еще множество аспектов нашего "Я". Если в этот момент мы вспомним, что ощущение перспективы можно вызвать, мы очень поможем себе. Для этого достаточно назвать имя - неважно какое - и выйти на контакт с ним. Я, например, называл имя Дональда Шимоды. Вы тоже можете позвать Дональда Шимоду или любой другой ваш аспект - всепонимающий и способствующий вашему максимальному просветлению в данной ситуации. Вам достаточно спросить: "Что я должен узнать?" и выслушать ответ.

Способы могут быть самые разные. Я, например, иногда задавал вопрос и говорил себе, что первая фраза, которую я услышу по телевизору, будет ответом на него. Это могла быть фраза из ролика по рекламе мыла, однако, воспринятая на другом уровне - как ответ, который необходим. Хотя, конечно, смешно, что ответ, которого мучительно ждешь, приходит из рекламы мыла. Иногда я просто открывал книжку на произвольной странице или сидел в тишине, позволяя слышать себе тот голос, который мог услышать.

Всеми этими экспериментами занимается один из любых аспектов любопытный, практичный и игривый. Если честно, это единственный аспект, который важен для меня. Он также помогает мне контактировать с другими аспектами, которые столь же заинтересованы во мне и так же сильно любят меня, как и я их.

Меня все это очень интересует. Я часами могу сидеть у ног одного из своих аспектов и общаться с ним так же, как мы сейчас сидим. Ведь мы тоже представляем собой три аспекта Божественного света. "Чему ты научился?", "О чем ты думаешь?", "Как я могу помочь тебе?" - эти вопросы я хотел бы задать каждому из вас. Когда общение идет на уровне таких вопросов с осознанием того, что мы не отдельные существа, а составляем единое целое, я искренне наслаждаюсь им.

С.В.: Я тоже. Интересно, что для того, чтобы круг людей, осознающих это, становился больше, не нужно ничего делать. Достаточно просто ощущать связь и резонанс, существующие между нами.

Р.Б.: Это красивый образ. Именно так. В моем писательстве для меня самая увлекательная вещь - слышать эхо, проходящее по кругу из таких людей. Люди пишут мне в письмах: "Я думал, что я такой один в мире. Оказывается, нет. То, что ты пишешь, - безумно, но это справедливо для меня". На конвертах этих писем стоят штампы "Нью-Йорк", "Рио-де-Жанейро", "Киев". Кстати, в последнее время я стал получать все больше почты из Советского Союза. В то время, когда в вашей стране опубликовали книгу "Мост через вечность", политические отношения между нашими странами были напряженными. Но в письмах из России, которые я получал, речь шла не о политике, а о любви, об отношениях между людьми и т.д. Для меня это было еще одним замечательным напоминанием того, что все мы - аспекты одного и того же, в каком бы месте планеты мы ни находились. Мы - это очень любопытные существа, которые то и дело натываются на загадки, а отгадками делятся друг с другом, пытаюсь узнать, "работает" ли для другого то, что "работает" для меня.

Я считаю, что понятие нации нужно сформулировать заново. Границы нации проходят не по земле, они проходят на уровне мысли, объединяя людей по видам их любопытства. Нация, к которой принадлежу я, - это нация ищущего сознания. Это целая страна, в которой много людей. Но существуют и другие страны, и каждый волен выбирать себе гражданство. Существуют, например, страны, граждане которых верят, что пространство и время ограничены, что человек - это главное, а насилие - способ разрешения конфликтов. Мне это неинтересно. Просто скучно.

Я уже прошел этот путь. Я был обычным американским парнем. В 18 лет я увидел большой

и красивый плакат - на нем изображен истребитель, летящий вертикально вверх. Под плакатом стояла надпись: "Ты можешь летать на нем". И я, словно рыба, заглотил этот крючок. В этот момент я бы сделал все что угодно, чтобы летать. Однако многого не потребовалось. Только поставить подпись под документами в вербовочном офисе. Я стал авиационным курсантом и, надо сказать, прошел через многое с шорами на глазах. Однажды на лекции по истории и традиции ВВС США преподаватель написал на доске большими буквами - УБИЙЦЫ. Он обернулся, посмотрел на нас очень серьезно и сказал: "Да, это вы". Мы подумали, что этот человек - сумасшедший, ведь мы пришли сюда только затем, чтобы летать. Но он был единственный вменяемый человек, которого я встретил в ВВС, включая меня самого. Он знал, что все это значит. Он предупредил, что нас будут использовать для убийств, зная, что мы любим летать. Мне понадобились годы для того, чтобы понять, насколько прав был этот человек.

Произошло это во Франции, в 63-м году, когда я служил там. Периодически в 3 часа ночи советские военные запускали все свои самолеты по направлению к границе. Мы начинали сходить с ума. Запрыгивали в самолеты, взлетали, но в последнюю секунду советские ВВС поворачивали назад, не долетая до границы. Тем самым они узнавали, сколько самолетов у противника. И то же самое делали мы. Это была замечательная игра. Однажды, когда я летел вдоль границы, заметил, что кто-то летит по другую ее сторону параллельно мне. И я подумал: "Мы сошли с ума. Парень в том самолете любит летать так же, как и я. Только на его самолете нарисована красная звезда, а на моем - белая. Вот и вся разница. Так стоит ли из-за этого убивать друг друга?" Я покачал крыльями, и летчик в советском самолете ответил мне тем же. И я понял, что у меня намного больше общего с ним, чем с теми людьми, которые агитируют за войну в моей собственной стране. У меня на глаза навернулись слезы от осознания того, что за сумасшествие происходит вокруг. Мне повезло. Я летал, однако мне никогда не пришлось убивать. Я не причинил вреда ни одному живому существу. Но не всем людям, которые поймались на этот крючок, повезло так, как мне. В местном аэропорту есть один человек, который служил во Вьетнаме. Его просто скрутило от осознания того, сколько людей он убил. И он решил искупить это. Он принял решение делать все, что препятствует распространению идеи войны. Он начал публично выступать, пригласил к себе в гости несколько русских семей. Сейчас он поднимает людей в воздух и показывает им, какое счастье - просто полет. Это его способ внести вклад в мир. У меня есть удивительное чувство близости к вам, и я думаю, что это чувство испытывает все большее и большее число людей в Америке. Мне радостно слышать ваш язык, потому что я чувствую, что языки разные, но сердца и мысли у нас одни и те же. Я знаю, что иностранный язык может быть очень большим испытанием, и восхищаюсь тем, что вы потратили время и силы на то, чтобы выучить мой язык.

Вообще, проблема языка меня очень интересует. Мои книги переведены на 33 языка. Часто я слышу от людей, что какой-то перевод хороший, а какой-то не очень. И раньше я огорчился из-за этого, но потом понял, что плохой перевод лучше, чем никакого. Я понял, что мои книги нельзя полностью перевести. Просматривая публикации своих книг на тех языках, которые немного знаю, я обнаружил, что иногда мои мысли в этих переводах представлены очень интересно - любопытнее и глубже, чем то, что я писал. В таких случаях я всегда улыбаюсь. То, что я пишу - очень неформальный, многоуровневый способ общения. И когда переводятся слова, это еще не значит, что все смысловые уровни переносятся в другой язык. Когда я пишу, я всегда подразумеваю, что мой читатель очень интеллигентен и чувствителен, и все, о чем я говорю, он способен не только почувствовать, но и домыслить.

Время от времени ко мне приходят люди и спрашивают: "Понимаешь ли ты, что ты здесь написал?" И я говорю, конечно, я понимаю. Но они мне сообщают нечто такое, о чем я не знал.

Периодически люди находят в моих книгах значительно больше, чем я мог предположить. Поэтому я не считаю себя автором книг, написанных мною.

Для меня автор - это человек, который изобретает и создает. Я в большей степени ощущаю себя писателем: я смотрю на то, что уже существует, и описываю это своими словами. Любой человек может увидеть тот же образ и описать его словами, которые будут другими, но будут нести тот же свет. Поэтому я чувствую очень теплую и близкую связь даже с теми читателями, которых я никогда не встречал и не встречу. И одна только мысль, что в мире есть так много невстреченных друзей, доставляет мне радость. Мне доставляет радость осознавать, что идеи, ценные для меня, значимы и для них.

С.В.: Ричард, я думаю, твои книги - это воплощение идей, существующих всегда в вибрации, которые могут достичь максимального числа людей именно сегодня. Для твоих читателей, как я уже говорил, погружение в вибрационное поле твоих книг является более важным, чем восприятие идей самих по себе. Это поле объединяет их в некую целостность, создающую ту внегеографическую страну, о которой ты говорил.

Р.Б.: Это новая мысль. Когда я пишу, я всегда проверяю, как это звучит. Может быть, и в самом деле я добиваюсь нужных вибраций?

С.В.: Вот видишь, ты делаешь это. Набоков считал, что все написанное ради изложения идеи - бессмысленная трата времени.

Р.Б.: Нет ничего, с чем бы я мог бы более не согласиться. Но я это принимаю. Единственно, что значимо для меня, это идея. Но идея, которая может быть применима. У меня не хватает терпения воспринимать философов, спорящих об абсолютно абстрактных категориях. Я хочу знать, что может помочь мне прожить эту жизнь наиболее интенсивно, радостно и весело. "Скажи мне, что "работает" для тебя и что не "работает", дай мне идеи. Напомни мне о тех вещах, которые я знаю, но забыл", - это я говорю писателям, когда открываю их книги. Обычно я начинаю читать книгу с произвольной страницы. И спрашиваю себя, захватывает ли мое внимание то, что я читаю. Или все это звучит глупо.

С.В.: Вот видишь, ты снова употребил слово "звучит".

Р.Б.: Да, но применительно к идеям. Если идеи интересны, я открываю книгу снова и опять нахожу в ней что-то интересное. И ладно, ладно - оно ЗВУЧИТ интересно. Я думаю, тебе удастся обратить меня в свою веру.

Я воспринимаю идею как маяк, стоящий на берегу. Маяк и тот берег, на котором находимся мы, разделен водой, но их соединяет искрящаяся, сияющая дорожка света. Взгляды тысяч людей, где бы они ни находились, могут скользить по водной дорожке, и каждый из них увидит свет маяка. Слова могут быть разными и на разных языках. Слова - это дорожка, искрящаяся на воде, но свет находится над водой, он находится над той точкой, в которой мы стоим, и распространяется во всех направлениях. Он есть и ему все равно, видим мы его или нет. Ему все равно, знаем ли мы о том, что он существует. Он как бы сам по себе. Водные дорожки идут к каждому из нас и все, что от нас требуется, чтобы увидеть свет, - это повернуть голову в его направлении и открыть глаза.

С.В.: Хорошо. Но можно воспользоваться и другой аналогией. Давай представим себе, что существует прекрасная музыка, записанная нотами. Практически никто, кроме самых опытных музыкантов, глядя на ноты, не может воспринять музыку такой, какая она есть. Для огромного большинства людей, для того чтобы воспринять музыку, нужно услышать ее исполнение. И слушая одного исполнителя, люди получают удовольствие от техники, от мастерства, но, слушая другого, люди вдруг начинают плакать и, возвращаясь домой, меняют что-то в своей жизни. Оба исполнителя играют одну и ту же вещь, но решающим является та вибрационная ткань, которую они создают в своем исполнении.

В твоём случае музыкой является идея, а инструментом являются слова. И своим исполнением ты достигаешь того, что люди начинают изменять свою жизнь.

Р.Б.: Наверное, это правда. Но я не осознавал этого. Я знаю, что существуют различные уровни моего существа и что они меня используют иногда совершенно бесстыдно. К примеру, "Чайка Джонатан". "Чайка" была первым, что я вообще написал в своей жизни (первая часть "Чайки"). В тот момент я не мог найти работу и решил стать писателем. И вот, что со мной произошло. Я получил мистический опыт: я увидел, как вся эта история про чайку разворачивается перед моими глазами в полном цвете на очень широком экране. И я услышал имя - Джонатан Ливингстон - и это меня испугало. И пока я старался понять, что со мной происходит, я стал видеть сцены из книжки. И это настолько меня затянуло, что я понял, что мне надо записать это. Я записал две трети книжки, и она вдруг остановилась. И я подумал: чем же это все кончится? Я просиживал часами, стараясь изобрести что-нибудь, но у меня ничего не получалось. К этому моменту я знал Джонатана так хорошо, я жил в его сердце, что я должен был знать, что произойдет дальше... Прошло восемь лет. И вот спустя эти годы, за полторы тысячи миль от дома, в штате Айова - бац! - в пять часов утра, прямо как продолжение сна я вижу, чем заканчивается история. И восемь лет пронеслись, как одна секунда. Я сразу же вспомнил, на каком месте закончилась первая часть. И подумал: да, конечно, эта история должна заканчиваться именно так. Неоконченная рукопись "Чайки" вместе с другими хранилась у меня в подвале. Я помнил, что она была написана зелеными чернилами. И я нашел ее. И я увидел, что продолжение пришло ко мне точно с того места, где я закончил. Все это должно было случиться именно так. Только так начинающий писатель может написать что-то типа "Чайки". "Чайка" - это сумасшедшая, странная история. И только если ты готов в качестве писателя признать себя полным дураком, ты можешь написать историю говорящей чайки. Большинство начинающих писателей не могут себе этого позволить, так как считают, что это глупо, и ищут чего-то более основательного. И поэтому так много писателей в поисках чего-то основательного, заслуживающего уважения не могут найти вообще ничего. Мне нужно было иметь этот мистический опыт, который был настолько сильным, что пробил защиту моей внутренней цензуры. Мне было все равно, выглядит это глупо или нет. Мне было безразлично, будут ли люди смеяться надо мной из-за того, что я написал о говорящей чайке. Я воспринял эту историю настолько сильно, что она могла быть записана только так, а не иначе. Позже, после многих лет писательства, я уже мог обходиться без подобного опыта, потому что я понял: главное, что я могу дать миру, - это моя глупость, сумасшествие.

Это то, чем обладаю я. Другие писатели более рациональны, чем я. Если вы хотите рациональности, обращайтесь к ним. Если вы хотите чего-то странного, приходите ко мне.

Теперь я могу писать книги, не прибегая к мистическому опыту. Но я абсолютно не представляю, какой будет моя следующая книга, и, я думаю, когда она появится, я буду удивлен ей ничуть не меньше, чем мои читатели. Я знаю только: то, что придет следующим, будет здорово. Это будет здорово для меня, а я ничем не отличаюсь от других - мой дар в том, что я ничем не отличаюсь от других. Поэтому то, что будет здорово для меня, будет автоматически здорово для людей моей невидимой страны. Это те люди, которым писатель должен отдавать себя. Писатель не должен искать читателей, читатели сами найдут писателя - где бы они ни были. Единственным условием является, чтобы писатель был максимально искренен, непосредственен и честен в том, что он делает, и чтобы то, что он пишет, трогало его самого настолько, насколько это возможно. И тогда его труд становится совершенным. Писатель пишет не для того, чтобы сказать вещи, которые до него никто не говорил, а для того, чтобы сказать их на языке своего времени.

С.В.: Это то, что я все время пытался тебе сказать. Идеи вечны. И именно язык, который ты

используешь, способен достичь сердец людей. Сто лет назад люди не смогли бы соотноситься с тем, что ты пишешь.

Р.Б.: Совершенно верно. И это проблема, с которой сталкиваются все писатели, изучавшие литературу. Они стоят в тени великих классиков и спрашивают, могу ли я написать что-то, что будет соответствовать уровню этих великих писателей. Это неправильный вопрос. Вопрос, который нужно себе задать, таков: "Как я могу выразить на языке моего времени то, что я так хорошо чувствую?" И ответ на этот вопрос не очень сложный. По крайней мере, для меня. Когда я сажусь за пишущую машинку, передо мной стоит маленький плакатик, на котором написано: "Получай удовольствие, не думай, не заботься ни о чем". И когда я руководствуюсь этим, экран компьютера, в который я смотрю, превращается в туманный туннель. И я теряю контроль над тем, что со мной происходит, и просто позволяю идее всплыть в этот туннель - и тогда мои руки начинают сами двигаться по клавиатуре. Это как бы измененное состояние сознания, но необычного в нем ничего нет. Сон, например, тоже измененное состояние сознания, но мы погружаемся в него каждую ночь. Это состояние интенсивного интереса к тому, что происходит. Когда в этом состоянии я встречаюсь с идеей, я стараюсь покрыть ее цементом слов, так как читатель признает только слова, написанные на бумаге. Ты можешь прийти к нему и рассказать красивую историю, но он скажет: "Это все здорово, но я что-то не вижу главы 1 и главы 23!" Поэтому, когда я гляжу в туннель, я стараюсь, чтобы мои пальцы следовали за тем, что я вижу. Это дает мне как бы первый блок цемента или мрамора (если это очень красиво), и вот здесь-то и начинается работа. Я беру в руки долото и молоток и начинаю откалывать большие куски - любую написанную вещь можно улучшить вычеркиванием и вырезанием.

С.В.: Насколько окончательный вариант твоих работ отличается от первоначальных?

Р.Б.: Он намного меньше. Черновик - огромен.

С.В.: Интересно, я всегда чувствовал это. Мне кажется, что за счет того, что твои книги очень сжаты, читатель глубже проникается ими.

Р.Б.: Чем меньше книга, тем больше возможностей у читателя наполнить ее своими чувствами. Для меня это сжатие стало почти автоматическим процессом. Я беру толстую рукопись, карандаш и говорю "Нет, нет, нет..." С годами это "нет" становится все безжалостнее.

Я вижу красивый кусок текста, но чувствую, что он не должен быть здесь, может быть, где-нибудь в другой книге, но не здесь. И я вычеркиваю его. Таким образом, рукопись становится все меньше, меньше и меньше. По поводу этого процесса у меня очень мало рационального понимания, очень многое происходит на интуитивном уровне.

С.В.: Хотелось бы тебе иметь это рациональное понимание или ты предпочитаешь, чтобы этот процесс оставался интуитивным?

Р.Б.: Очень хороший вопрос. Иногда я начинаю думать, что, наверное, имеет смысл исследовать этот процесс и свести его к конкретным шагам "А", "Б" и "В". Но в то же время эта идея рождает во мне какое-то беспокойство. В конечном счете все сводится к тому, чтобы текст звучал верно.

В основе книги "Единственное" лежит простая и красивая идея. Эта идея была настолько проста и настолько красива, что я понимал: книгу я напишу очень быстро. Я написал 32 главы и потом все выбросил, потому что это было абсолютно неверно. Потом я написал еще 11 глав, двигаясь уже в другом направлении, и тоже их выбросил, потому что это тоже было неверно. Я уже начал лезть на стену, недоумевая, каким образом такая простая идея может оказаться такой изворотливой? Мне ничего не оставалось делать, как остановиться и дать ей созреть.

Если бы я хотел что-нибудь посоветовать начинающему писателю, я бы не смог сказать ничего конкретного - только общие слова. И это лучшее, что я бы мог сделать. Я бы сказал ему: "Не думай, не оценивай, насколько разумно то, что ты пишешь, получай удовольствие. Если тебе

будет скучно со своими собственными словами, написанными на бумаге, представь, каково с ними будет читателю. Твое удовольствие абсолютно необходимо. Как только начинаешь зевать, выбрасывай все. И последний совет: не старайся выглядеть прилично. Это ключ к обманыванию себя, который эксплуатируется снова и снова".

Поэтому, когда я сажусь за клавиатуру, я прежде всего говорю себе: "Дорогой внутренний наблюдатель, сейчас я напишу что-то безумное, запредельное. Для тебя это не будет иметь никакого смысла, но позволь мне сделать это. Потом я выброшу все, что написал, и вместо этого создам нечто рациональное, вменяемое и разумное - и это будет здорово". Внутренний наблюдатель спрашивает меня: "Ты обещаешь?". Я говорю: "Всем сердцем. Только дай мне побегать и порезвиться". Тогда он говорит: "Хорошо, я повернусь спиной". Внутренний наблюдатель поворачивается спиной, и я пишу абсолютно безумный кусок. Потом я читаю его и замечаю, что в нем есть нечто, что можно использовать. И тут наблюдатель поворачивается и говорит: "Ну ты же обещал!". А я говорю: "Я нарушил свое обещание".

И это срабатывает снова и снова. Не стоит заботиться о том, что думает внутренний наблюдатель, что думает читатель, что думает издатель. Единственное, что нужно, - это бросить себя в бешеный поток бушующей реки, которая несется к водопаду, высоту которого ты не знаешь, и позволить себе быть унесенным. Из этого режущего, кувыркающегося потока родится нечто, что будет интересно. Это и есть тот подарок, тот дар, который нужно отдать.

С.В.: Что бы ты мог сказать твоим читателям в России?

Р.Б.: Я очень остро ощущаю семью своих читателей по всему миру. По тем письмам, которые приходят Лесли и мне, я чувствую, что они часто чувствуют себя одинокими. Они часто бывают окружены людьми, которые не понимают их сердце и душу. И когда они в строках моей книги, как вспышка, чувствуют что-то родное, они пишут нам письма. Так вот, наш ответ таков: не забывай, что твоя семья больше, чем ты думаешь, и время от времени ты будешь встречать членов своей семьи. И все, что мы можем сделать, - напомнить об этом.

Но вот я слушаю тебя и ощущаю, что эта семья на самом деле значительно больше, чем я думал. Раньше я считал, что мы в меньшинстве. Я думал, что людей, разрушающих планету и друг друга, больше, чем тех, кто понимает, что на свете есть более увлекательные вещи.

И это было понятно, потому что, думал я, мы все как человеческие существа любим риск, любим ходить по краю. Нас увлекает идея подойти к полному разрушению и в последнюю секунду сделать красивый поступок и спасти себя. Это то, чем мы на самом деле наслаждаемся в своем сердце. Это подтверждает уже тот факт, что каждый из нас решил родиться именно в это время.

Американские газеты раньше часто публиковали рисунок, на котором были изображены часы, стрелки которых показывали без нескольких секунд полночь. Эти часы напоминали о том, что, возможно, до полного уничтожения нам осталось несколько секунд. Но на каком-то уровне мы все наблюдали за этими часами и думали: все-таки время еще есть, можно поиграть еще, мы еще даже успеем исполнить национальный гимн. А вот когда времени совсем не будет, произойдет чудо.

И чудо действительно произошло. Для нас им стал Михаил Горбачев. Вы можете к нему относиться как угодно, но нами он был воспринят как самый смелый человек нашего времени. Я уверен, что именно он спас мир.

У нас же в это время был президент, которого я считаю безумным. Он воспринимал мир, как кино. Однажды я участвовал в съемках фильма. Мне нужно было пролететь на самолете как можно ближе к камере. И я сделал это. Но оператор стал кричать мне, что это недостаточно близко. И в этот момент я понял, что он не воспринимает мой самолет как реальную опасность для себя, для него это только эпизод в фильме. И я сказал: "Хорошо. Я пролетел в пяти метрах от

вас, но сейчас я пролечу на расстоянии в один метр". И они согласились. Только в последний момент, когда операторы увидели самолет, летящий прямо на них, они попадали на землю. Мне кажется, Рейган тоже думал, что наш мир не более, чем пленка.

Этот мир на самом деле - фикция. Но я не думаю, чтобы он понимал это в метафизическом смысле. В отличие от Горбачева. Я думаю, Горбачев пришел к полному осознанию того, что нужно сделать поступок, который остановит безумие, даже если в процессе этого он будет уничтожен сам. И он сделал это.

Что было потом, не так важно. Я знаю, что в Союзе его не любят. Но его любят в США. В нашей версии истории он уже заслужил замечательное место. Кто-то недавно даже сказал, что если Горбачеву будет совсем плохо в Союзе, он может приехать в Штаты и выиграть президентские выборы.

Но если говорить серьезно, то похоже на то, что мы выжили в этот раз.

Это значит, что теперь мы будем изобретать новые способы, как испытывать себя, бросать вызов самим себе.

К печати подготовила А.Яковлева